

Annotation

Аннотация: Фэнтези. Как известно, летописец великого киммерийца весьма бегло упомянул про гиперборейский плен и последующее рабство юного Конана. Поэтому продолжатели описывали приключения киммерийца в северной стране всяк по-своему. Перед вами – моя версия.

- [Лев Рудольфович Прозоров](#)

- [1. ПОЕДИНОК](#)
 - [2. ШУТКА БЬЯРА](#)
 - [3. ОХОТА НА СЕКИРУ](#)
 - [4. РАЛЬФ](#)
 - [5. ЗАПАДНЯ И ПЛЕН](#)
 - [6. ГИПЕРБОРЕЯ](#)
 - [7. РАБ](#)
 - [8. ЖЕРНОВ](#)
 - [10. КАК СТАТЬ СТИГИЙЦЕМ](#)
 - [11. ПОБЕГ](#)
 - [12. АРКОНА](#)
 - [13. ВОЛХВ](#)
 - [14. КОЛОГА ВО ВЛАСТИ ЗЛА](#)
 - [15. В КНЯЖЬЕМ ТЕРЕМЕ](#)
 - [16. БИТВА](#)
 - [17. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОЛГОВ](#)
-

Лев Рудольфович Прозоров

Конан в Гиперборее

(Конан –)

1. ПОЕДИНОК

Что набег провалился, они поняли, когда, вопя и размахивая копьями и топорами, ворвались в ворота гиперборейской деревни. На их боевой клич не отозвались ни перепуганные женские вопли, ни лай тетив, ни зловещий пересвист стрел.

Деревня была пуста. Эсы метались по ней, но нигде не находили ни врагов, ни добычи. В их перекликающихся голосах все явственней слышалось недоумение, досада, растерянность.

Все стало понятно, когда в одном из амбаров, таком же пустом, как и все прочие, нашли ход. Кто-то заметил их и загодя предупредил жителей деревни, так что те успели собрать весь свой нехитрый скарб и унести в этот ход.

Посреди темного амбара собравшиеся в кучу эсы переминались с ноги на ногу в полной растерянности. Лаз насмешливо таращился на них черной глазницей. Лезть в него никто не решался – кто знает, какие неожиданности подстерегали смельчаков в его темных недрах.

Взгляды эсов все чаще возвращались к их вожаку, Бьяру. Тот стоял, опустив голову и мрачно качая секирой, сжатой в огромной волосатой лапе.

– Уходим, – наконец сказал он.

– Ну, нет! – раздался вдруг звонкий голос. Хозяину этого голоса было лет четырнадцать, хотя по нашим меркам он выглядел на все двадцать. В те волчьи времена люди быстро взрослели – те, кто вообще выживал. Юноша резко отличался от эсов своими черными волосами и одеянием. Вместо штанов из замши и волчьей косматой безрукавки на нем был лишь шерстяной кильт до колен. На скуластом лице и загорелой, в белых полосках шрамов коже, красовались сложные узоры, выведенные вайдой. Сам юноша был строен, поджар, как борзая, и его мышцы, хоть и не бугрились, натягивая до прозрачности кожу при каждом движении, обладали крепостью мореного дуба.

– Разве мы пришли сюда для того, чтобы нюхать пыль и мышиный помет в гиперборейских амбара? Или ты, Бьяр, испугался гипербореев – гипербореев, которые, как крысы, канули в норы при одном звуке наших шагов?

Светло-серые глаза эса мгновенно налились алой кровью.

– Заткнись, ты, киммерийский щенок! – зарычал он. – Я – вожак этой стаи!

Синие глаза юного киммерийца сузились:

– Я Конан ап Ниал из клана Канаха, я вольный волк из гор Киммерии. И, разрази меня Кром, я не позволю желтогривому эсгардскому трусливому псу, будь он трижды вожак, указывать мне, когда говорить, а когда нет!

Он не успел закончить эти слова – секира Бьяра жадно клюнула земляной, усыпанный мукой, пол амбара на том месте, где он только что стоял.

Сам Конан был в этот миг уже чуть в стороне, и его секира рассекла воздух над головой успевшего нагнуться Бьяра.

Лезвия секир кружили в воздухе, как хищные птицы, лишь время от времени пикируя на добычу – и возвращались назад неокровавленными – в верткости оба противника не уступали друг другу. Конан кружил вокруг Бьяра, как волк вокруг медведя, уходя от тяжелых ударов, атакуя и выжидая, когда грозный соперник допустит оплошность.

Эсы образовали вокруг поединщиков круг. Таков был обычай разбойных ватаг гиборийского Севера – кому быть вожаком, часто решал поединок. На того, кто упадет,

накинутся всем скопом – добить. Уцелевший возглавит отряд.

2. ШУТКА БЬЯРА

И тут-то Конан, выжидавший промашку Бьяра, сам совершил ее. Ему показалось, что он сможет не уворачиваться от ударов сопящего Бьяра, а отбивать их. Это была роковая ошибка. Конан справился бы с любым взрослым мужчиной нашего времени, но чтобы отбивать удары Бьяра, этого вставшего на дыбы зубра, ему пришлось бы матереть, набираясь сил и ратного опыта, не один десяток лет.

В следующее мгновение секира Конана птицей вспорхнула к стрехам амбара, а сам он грянулся навзничь, взмахнув в воздухе постолами из грубой кожи. Он попытался вскочить, но дюжина жилистых рук прижали его к земле, и дюжина холодных клинков уставились на его горло.

– Стойте, парни! – воскликнул Бьяр.- Мне пришла в голову одна шутка. Он ведь не боится гардарикийцев, правда? Ну, так и пусть дожидается их... Связанный по рукам и ногам!

Эсы встретили шутку вожака восторженным ревом. Мигом были отцеплены от поясов добротные веревки, и желтобородые воины начали обматывать ими Конана. Один из них взгромоздился при этом прямо на грудь Конана, так что ребра юного киммерийца затрещали, а в глазах поплыли красные круги. Когда они почти сомкнулись в одну багряную пелену, усидчивый эс, наконец, снял свой гранитный зад с грудной клетки Конана, и тот жадно втянул воздух – ноздрями, он не желал хлопать пастью, как выброшенная на берег форель, перед этими прихвостнями Бьяра. Впрочем, легче ему стало очень не намного. Чрезмерно усердные "няньки" так туго спеленали его, что "младенец" едва мог вздохнуть.

Сквозь медленно тающую багровую пелену надвинулся темный, косматый лик, увенчанный парой огромных рогов. Конан не вдруг узнал Бьяра в его шлеме.

– Пока, парень, не скучай тут без нас,- он ухмыльнулся.- Да, совсем забыл.- В его лапищах появилась секира Конана, и Бьяр, крякнув, сломал о колено ее рукоять. Затем он бросил обломки на утоптанный земляной пол рядом с Конаном.

– Никто не скажет, что я оставил тебя безоружного! – заржал Бьяр и зашагал к выходу. За ним двинулась вся его ватага. Вскоре их гогот затихдалеко вдали.

3.ОХОТА НА СЕКИРУ

Наконец Конан встряхнулся и взглянул по сторонам. Мысли о мести сладки, как мед, но если не воплотить их, превращаются в желчь. Настало время действовать.

Однако ни одна сага не упоминает о мстителе, спеленутом, как стигийская мумия. Поэтому первым делом следовало развязаться.

Решить это было очень легко. Труднее было сделать – эсгардские ватажники умели связывать пленных и в полной мере применили свое искусство к Конану.

Каждая рука была привязана к поддерживающему кильт поясу, ноги были скручены в щиколотках и коленях, тело поверх рук было многократно стиснуто веревками. Кроме того, какой-то чересчур грамотный эс-, к своему огорчению, Конан не помнил, кто именно,- дополнил путы простеньким, но действенным устройством, которое на юге звалось "рукой Сета". Оно представляло из себя плотно захлестнутую на горле удавку, тугу натянутым шнуром соединенную со щиколотками. При малейшей попытке хотя бы сесть удавка впивалась в горло.

Осторожно поворачивая голову, Конан огляделся кругом в поисках предмета, который мог бы помочь перерезать путы. Искать долго не пришлось – у его ног лежали обломки его обоюдоострой секиры.

Конан крохотными толчками подполз к ней и попытался перерезать веревки. Ничего не получалось – секира то припадала к земле, то сдвигалась под нажимом его руки, то, наконец, опрокидывалась и отлетала. Скрипя зубами и шипя проклятия, Конан подползал к ней – и все повторялось.

Это была самая нелепая охота в жизни Конана. Он гонял секиру, извиваясь, как червяк, по земляному полу амбара, а она ускользала, упорно не желая участвовать в освобождении Конана из Киммерии.

Ее нельзя было даже поставить на обух – она была обоюдоострой.

Был уже поздний вечер, когда осатаневший Конан с передавленным "рукой Сета" горлом загнал, наконец, непокорное оружие к стене и разрезал путы на левой руке. Воздуха не хватало, в глазах уже плыли багровые облака, и юный киммериец, схватив секиру освободившейся рукой, стал судорожно совать ее себе под спину. На третий раз ему удалось перерезать "руку Сета", он отшвырнул секиру, сел и стал левой рукой сдирать с горла удавку.

Наконец ему это удалось. Он жадно вздохнул, выдохнул и откинулся к бревенчатой стене, сильно ударился затылком, но не заметил этого. Он сидел, тяжело дыша и мысленно клялся Кромом, Бори, Игтом и Имиром, и всеми богами и демонами, о каких только мог слышать в свои 14 лет, непременно, во что бы то ни стало, узнать имя эса, устроившего ему "руку Сета". Узнать, найти и заставить пожалеть не только об этом поступке, но и о дне рождения на свет. Его и Бьяра. К остальным эсам Конан не питал ни малейшей вражды. Они всего лишь следовали обычаю, сам Конан не сделал бы на их месте чего-то иного.

Неожиданно снаружи раздались шаги. Они были тихи, как прикосновение падающих листвьев к земле в безветренный осенний, день, и большинство современных людей вообще ничего бы не услышали. Но только не Конан! Он весь подобрался в своем темном углу, стараясь не дышать, и только пальцы лихорадочно сцарапывали путы с правой руки.

На красноватый от закатного света прямоугольник освещенного пола пала черная тень человека.

4. РАЛЬФ

Хозяин тени, остановившись за полшага от двери, замер. Потом, в предзакатной тишине, когда все птицы и звери провожают в молчании уходящее Солнце, раздалось негромкое:

— Конан?

Киммериец с облегчением выпустил воздух. Стоявший за дверью перешагнул порог.

Это был Ральф, ровесник и друг Конана, эс. Он не пошел против обычая и воли ватаги, когда Конан дрался с Бьяром, когда Конана, связав, бросили в амбаре. Конан не осуждал его за это — как и все гиборийцы он признавал узы родства священными, высшими, чем узы дружбы. Нельзя было требовать от Ральфа, чтоб ради дружбы он поднял меч на сородичей. Даже то, что он без приказа вождя покинул ватагу и тайком поспешил на помощь обреченному на гибель человеку было величайшим подвигом и жертвой.

— Ради Имира, Конан! Предки и Иgg-Всеотец видят, как я рад! — воскликнул эс.

— И я вижу, — отозвался Конан. — Но твой нож сейчас мне нужнее твоей радости.

Немедленно в его руке оказался железный, с костяной резной рукоятью скрамасакс. А еще несколько мгновений спустя, Конан снял с себя остатки веревки.

Ральф протянул ему обломок секиры.

— Во имя Крома, Ральф! — зарычал Конан. — Выкинь эту дрянь подальше! Мало того, что она предал меня во время поединка, так еще и не желала помочь мне срезать веревки! Разрази меня Кром, если я еще возьму ее в руки!

Наш современник оторопел бы от этих слов, Ральф же, не говоря худого слова, запустил секирой за порог. Как и большинство их соплеменников, Ральф и Конан верили, что всякая вещь наделена какой-то таинственной силой. Впрочем, здесь они лишь разделяли заблуждение многих цивилизованных людей, считающих, как тогда, так и сейчас, что, например, металлические кружки или прямоугольные бумажки, накапливаясь в карманах, способны принести хозяину уважение, достоинство, ум, силу или хотя бы счастье.

— А теперь идем!

— Конан, ты, часом, не рехнулся? Лезть в Гардарикийский лес вдвоем НОЧЬЮ?! — эс затряс желтыми волосами. — Ни за что! Все золото цвергов не заставит меня идти туда.

Конан подавил вздох. Нелюбовь жителей тундр чахлых ельников Эсгарда к глухим лесам была в северных странах притчей во языщах. А уж заманить их в древнейший из лесов Земли, о чудовищах которого им рассказывали в детстве седые бабки... Бьяр чувствовал себя героем, направляясь с огромной ватагой в этот лес, но и он не стал бы заходить слишком далеко.

Сами гипербореи были одним из чудес древнего леса. Говорили, что умение оборачиваться волком, бывшее у других северных гиборийцев достоянием очень немногих людей и почти совсем исчезнувшее на юге, у них оставалось, как во времена Бори, всеобщим. Более того, каждый гипербoreй, прошедший обряды посвящения, раз в год оборачивался волком и убегал в лес, где какое-то время жил в волчьем облике, после чего возвращался к обычной жизни.

Конан, сам рожденный в поросших лесом горах, придавал этим легендам гораздо меньше значения, чем его друг, но спорить не стал. Соваться в ночной лес с топором и парой ножей на двоих было бы действительно глупо.

Вдвоем они затворили вырубленные — каждая из цельного бревна — двери амбара и

заперли на засов. Стало темно, и двое уставших подростков легли под самыми дверьми.

Перед тем как уснуть, Конан небрежно спросил Ральфа:

– Да, кто это накинул мне на шею удавку?

– Какую? А, "руку Сета"... Это Скъелд, он бывал в каких-то южных землях и любит прихватнуть вывезенными оттуда ухватка...

Ральф уснул не договорив. Конан мрачно улыбнулся в темноте и решил про себя, что Скъелду осталось совсем немного хвастать этими своими "ухватками".

Они совсем забыли про лаз. А в его черной глубине уже звучали какие-то трудноуловимые даже для слуха варвара шорохи.

Наконец, невидимая в густой, как кровь из жилы, тьме, из лаза высунулась рука.

5. ЗАПАДНЯ И ПЛЕН

Конан проснулся. Ни один звук не коснулся его ушей, но чуткий нос киммерийца уловил запах – очень слабый запах человеческого тела. Он вскочил, ничего не видя в темноте. В следующую секунду на его голову обрушилась деревянная дубина...

Когда Конан очнулся, он было подумал, что и охота на секику и Ральф ему попросту приснились. Над ним все так же нависала кровля амбара, тело все также было опутано веревками. Но "руки Сета" уже не было на шее, и кроме того, сильно болела голова. Он повернул ее и обнаружил рядом с собой точно так же связанного Ральфа. Повернувшись в другую сторону, он уткнулся взором в пару странной, сплетенной из полосок коры, обуви. Он поднял глаза и увидел гиперборея.

Одеждой гипербореи равно отличались как от эсов, так и от соплеменников киммерийца. Если первые одевались в основном в шкуры и кожи, а киммерийские горцы носили вязаные плащи и кильты, то гипербореи предпочитали ткани. На стоявшем рядом с Конаном были, кроме обуви из коры, полотняные штаны, белая льняная рубаха с красной вышивкой по подолу, вороту и запястьям, и наконец, накидка с капюшоном из грубой дерюги. Борода его – так же, как и старших родичей киммерийца – была сбрита, остались лишь длинные, свисающие на грудь усы. В остальном – чертами лица, цветом волос и глаз – гиперборей сильно смахивал на уроженцев Эсгарда.

Конан зарычал в бессильной злобе. Суток не прошло с его поединка с Бьяром, а он опять скручен по рукам и ногам!

В амбар вошел старик, очень похожий на сторожившего пленников гиперборея, но седой как лунь.

Он что-то сказал стражнику – Конан разобрал лишь два слова: "есин" и "кумырь". По взгляду и жестам старика Конан понял, что говорят о них. "Есин", видимо, обозначало эса, "кумырь" же относилось к нему самому.

Тем временем его ждало новое унижение – здоровенный гиперборей-охранник схватил их, как кутият, за шкирки и поволок на двор. Голова все еще не пришедшего в себя эса болталась из стороны в сторону. Конан извивался, пытаясь достать гиперборея зубами, но тщетно.

На дворе их швырнули оземь. Ральф застонал, приходя в себя.

Старик подошел к ним и на неплохом эсгардском языке – но со странным мягким акцентом – сказал:

– Смотрите! – чьи-то руки за волосы подняли головы пленников и развернули их лицами к тыну.- Смотрите! Мы, борусы, мирный род, когда нас не трогать. Но тот, кто тронет нас – умрет, как эти!

На бревнах частокола были насажены головы эсов-ватажников. Все тринадцать.

6. ГИПЕРБОРЕЯ

Их вели, связанных, по лесной дороге. Тысячелетние деревья высились вокруг, почти смыкая кроны над тропой. Висела зеленая полутьма.

Гипербореи решили не оставлять их у себя, а отвести на торг в столицу Гипербореи – Халогу, или, как они говорили, Калогу и там на что-нибудь выменять – о деньгах они, как и все народы, жившие севернее Пограничного Королевства, не имели никакого понятия.

Ральф всю дорогу бранил себя. По его мнению, именно его уход, сокративший число ватажников до Суртовой дюжины, и был причиной гибели отряда.

Конан молчал. Несколько раз он пытался перегрызть веревки, но тому помешала палка с ошейником, другим концом закрепленная на поясе. Не столь хитрое и жестокое, как "рука Сета", это устройство было, впрочем, столь же действенным.

Его злило, что гипербореи – борусы, как они себя называли – лишили его сладкой мести Бьяру и Скьельду. Может быть, их смерть была страшной. Что с того? Она ведь была быстрой, и самое главное – не от него, Конана, руки.

Волей-неволей он прислушался к болтовне двух их стражников. Язык борусов казался ему все более понятным. В нем многое походило на родной язык киммерийца, а еще больше – на язык эсов и ванов. Ближе всего к этому говору был язык, на котором друиды Киммерии и дроттары Нордхайма славили Божественных предков и Великие Силы Стихий – суровых и грозных Богов Севера.

На нем же кузнец – отец Конана – взывал к духам огня и болотных руд и заговаривал новорожденные клинки.

Через несколько дней лес расступился, и пленники увидели земляные валы и циклопические стены Калоги – гипербoreйской столицы.

Под ними, на отлогом речном берегу, уже кипел торг.

Рядом с шатрами из конских и оленьих шкур, где жили торговцы лошадьми из Гиркании и Турана, высились пестрые палатки хитрых смуглых и кареглазых земри, выменивавших на дешевые и яркие ткани, сладости и безделушки драгоценные меха, что ценились во дворцах Шадизара, Аграпура и Хоршемиза дороже золота. Длиннолицые немедийцы в белоснежных хитонах закупали в огромных количествах зерно, почти не родящееся в их жаркой, каменистой стране. Бритунцы щелкали языками, пробуя солнечно-желтый мед и буроватый воск. И, конечно, нарасхват шли знаменитые гипербoreйские мечи. Кузнецы-оружейники в Гипербoreе почти не знали себе равных. Лишь немногие киммерийцы – вроде отца Конана – могли потягаться с ними, да караваны из далекой, полусказочной даже для туреццев Вендии привозили клинки не хуже гипербoreйских. Ходили слухи, что несколько столетий назад борусы отправили такой вот меч кагану Турана, требовавшему дани и покорности. Каган понял намек и отправил на Гипербoreю тридцать тысяч всадников с лучшим своим полководцем во главе. Все они сгинули в борусских лесах. После этого Туран оставил северного соседа в покое.

Пленников провели в рабский ряд, находившийся у самого берега, на песке. И покупателей и товара здесь было немного – борусы не были работогородцами. Несколько пленных, несколько преступников, осужденных в рабство волей великого князя – и все. Среди покупателей борусов было еще меньше – те из них, кто не брезговал рабским трудом, предпочитали сами захватывать пленных.

Какой-то курчавый земри подошел к Конану, оглядел его, взглянул на продавца-боруса. Тот демонстративно глядел в сторону – земри не любили за неопрятность и почти патологическую нечестность, лживость и вороватость.

– Эй, кеммерийца! – на ломаном киммерийском гортанно произнес земри.- Чего умеишь?

– Быть свободным! – отрезал Конан. Он не знал, кто такие земри и не видел их до сих пор, но этот смуглый тип, воняющий потом и чесноком, разодетый в ослепительно яркие тряпки, сияющий золотыми серьгами, перстнями и золотым зубом во рту, надоел ему молниеносно.

Тот щелкнул языком, покачал головой:

– Если мая купить, твоя будэш чэстный?

– Даже если не купишь.- Конан зевнул. Земри заворчал и протянул смуглую, грязную руку с черной жирной каймой под желтыми длинными ногтями. Он раздвинул челюсти ошеломленного Конана и заглянул ему в рот. Такого издевательства Конан снести не мог. Его стальные челюсти мгновенно сомкнулись. Земри страшно завизжал, рванулся и отскочил, прижимая левой рукой к груди искалеченную правую. Фальшивые бриллианты на перстнях залила кровь.

Вокруг хотели, земри банился и богохульствовал на десятке языков, повизгивая от боли. Конан с отвращением выплюнул на песок крайние фаланги трех пальцев и стер о плечо кровь с подбородка.

7. РАБ

— Эй, этот волчонок мне нравится! — раздался вдруг над толпой молодой голос.

Голос принадлежал высокому статному борусу. Он восседал верхом на странном животном, отдаленно похожем на безрогого лося (ни Ральф, ни Конан до этого не видели лошадей). На плечах была не дерюга, а плащ из турецкого шелка. На голове у него вместо остриженных под горшок волос красовался длинный хохол, свисающий от макушки к левому уху. За его спиной на таких же зверях сидели гипербореи с копьями и в кожаных шлемах.

— Сколько ты за него хочешь?

Гипербoreй, приведший Конана и Ральфа, оценивающе взглянул на всадника и выпалил:

— Колчан боевых стрел!

Всадник молча отцепил от седла колчан, наполненный боевыми стрелами, и бросил ему. Тот поймал его обеими руками и, сияя, перекинул через плечо украшенный резными костяными пластинами ремень.

Тут же земри, до того баюкавший в стороне пострадавшую конечность, кинулся к всаднику и завопил на гипербoreйском:

— Гаспадына, твея раб откусит меи пальца! — Он хотел потребовать чего-нибудь в уплату заувечье и раздумывал, чего именно попросить, когда молодой гипербoreй кротко сказал:

— Хорошо. Ждан, пришей их ему обратно.

Кряжистый воин за его спиной спрыгнул с коня и, на ходу роясь в поясной сумке, зашагал к земри.

Тот, от испуга растеряв все гипербoreйские слова, завизжал громче прежнего и кинулся в толпу. Турецкий купец ухватил его, трясясь от хохота, за подол рубахи. Тот рванулся, подол остался в руках туранца, а на песок звонко брякнулся кожаный кошель.

— Эта ж мой кашалок! — возопил туранец, хватаясь за пояс. — А мой кенжал... Где он?!

И через секунду волны тихой реки всколыхнули боевой клич всех базаров мира:

— Вор! Ворюга! Держи вора!!!

Толпа неслась за земри. Впереди подпрыгивал, несмотря на толстый живот и одышку, побагровевший туранец. Земри бежал как олень. Разнообразные "приобретения" градом сыпались из его одеяний.

В рабьем ряду остались лишь продавцы, понуро сидевший на бревнах "товар" да утирающий веселые слезы молодой гипербoreй с воинами.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Ждан, возьми волчонка.

Ждан, ухмыляясь жесткими медвежьими губами, подошел к Конану.

И тут Конан понял, что сейчас его разлучат с Ральфом. Навсегда. Такая мысль даже не приходила ему в голову прежде, а вот сейчас...

Он бросился вперед, нагнув голову, и ничего не ожидавший Ждан получил страшный удар в солнечное сплетение. Он согнулся вдвое. Конан еще раз боднул его — в лицо. Борус рухнул наземь.

Воин, спрыгнувший на помощь товарищу, заработал пинок в челюсть, какого не постыдился бы и современный каратист, и свалился под ноги своему коню. Третий борус избрал более верную тактику. Не слезая с коня, он ударил Конана тупым концом копья в голову. Конан ничком рухнул в песок.

В это время двое гипербoreев держали рвущегося на помощь побратиму Ральфа.

– Смок побери! – пробормотал статный всадник, когда его воины привязывали Конана поперек седла заводного коня.- Что за звереныш! Пожалуй, даже придется его подукротить. А жаль, видит Яр, жаль...

Так расстались побратимы Ральф и Конан. Спустя не один десяток лет они встретились – гвардеец Туранского кагана и король Аквилонии, связавшие судьбу со странами, о которых не слышали даже в сказках своего детства.

8. ЖЕРНОВ

Огромный каменный жернов мерно вращался, пережевывая зерно и сплевывая муку с отрубями в гладкий деревянный желоб.

— Быстрее, скоты! — тиун-немедянин со свистом опустил палку на спину прикованного к жернову киммерийца. — Быстрее!

Конан, не прибавляя шага, только рычал и глядел на тиуна мутными красными глазами.

Его напарником был странный раб, похожий на кое-как одетый иссохшими мышцами и сухожилиями, обтянутый сухой и тонкой, как пергамент, смуглой кожей, скелет. На его лице с желтыми миндалевидными глазами и ястребиным носом, как, впрочем, и на всем остальном, не росло ни волоска.

И уж он-то не молчал, нет! Без малейшего акцента, на чистом гиперборейском, он осыпал немедянина такими подробностями из личной жизни его, тиуна, матери, бабки, пррабки и так далее, что Конан только диву давался. Иногда раб переходил на незнакомый Конану язык — видимо, немедийский. И тогда тиун приходил в особенную ярость.

К жернову Конана приковал этот же тиун, по воле своего молодого хозяина — жупана Якуна, сына Хорива. Приехав в свою колунь, что лежала в десяти днях верховой езды на юго-восток от Калоги, Якун первым делом вызвал тиуна и сказал:

— Я привез из Калоги нового раба, но он дик и неотесан. Обтеши его. И будь осторожнее, пока я его покупал, он успел расквасить лицо моему парню и свернуть челюсть другому. И это со скрученными за спиной локтями.

Метод "обтесывания" у немедянина был один — жернов. Он находился в темной землянке в одном из закутков колуни. Это был вообще первый увиденный варваром жернов, и Конан истово надеялся, что он же будет последним. Конан разбил бы в те дни все жернова мира о голову их изобретателя. Во имя Крома! Неужели людям мало простых зернотерок, с которыми легко управлялись женщины в родных краях Конана и Ральфа?!

Прикованный к жернову, глотая раз в день жуткую жижу из деревянной, никогда и никем со дня изготовления не мытой лохани, Конан в эти дни ненавидел весь мир, кроме, разве что, соседа по жернову. Его неукротимость, неиссякаемые познания в области брани, издевательств и проклятий, злобное веселье, не угасавшее ни в одури тяжелой и однообразной работы, ни под палкой тиуна, вызывали в киммерийце уважение, со временем переросшее в почти дружеские чувства.

Он слышал, что тиун обзвывал иногда его напарника "стигийской свиньей" или "стигийским ублюдком", "стигийским псом". На что обычно не реагировавший на брань немедянина раб неизменно отвечал взрывом бешеної ярости.

Даже Конан смутно слышал что-то о Стигии — мрачной стране колдунов и чудовищ. Так английские йомены знали о сказочном Вавилоне, не подозревая о существовании Германии или Золотой Орды.

Однажды, когда тиун был во дворе, а они неторопливо вращали жернов, Конан спросил:

— А ты и впрямь не стигиец?

Желтые глаза вспыхнули яростью, напарник кинулся было на Конана, но цепь удержала его, и он с воплем рухнул куда-то за жернов. Через несколько секунд Конан увидел вновь его голову. Желтые глаза уже угасли:

— Будьте вы все прокляты! Я не стигиец, я князь, князь Борусский, Явлад, сын Светлана

из рода Боричей!

Конан ошеломленно уставился на него. Поверил он сразу. Что такое ложь, ни в Эсгарде, ни в Киммерии вообще не знали, в Гиперборее же ее считали свойством выродков рода человеческого – земри, шемитов и стигийцев. В силу последнего никто не верил воплям напарника Конана о его княжьем достоинстве, тем паче, что Явлад, сын Светлана, продолжал править страной. Поверить в такой бред мог только совершенно невежественный и темный дикарь. Каким и являлся Конан ап Ниал из Киммерии.

– Ты не похож на гипербoreя,- скорее с удивлением, чем с недоверием заметил Конан.

– Колдовство! – прошипел желтоглазый раб.- Мерзкая стигийская магия!

Для Конана все встало на свои места. Магия могла очень многое. Стигийская магия могла все.

Желтые глаза смотрели на него настороженно. Но, не увидев в лице Конана ни насмешки, ни недоверия, крючконосый раб уразумел, что боги, наконец, послали ему благодарного слушателя.

И под поскрипывание жернова и шорох зерен Конан услышал историю, не уступавшую самым цветистым и фантастическим сагам его родной Киммерии.

10. КАК СТАТЬ СТИГИЙЦЕМ

Власть борусских князей – так же, впрочем, как киммерийских риагов и конунгов Нордхейма – была ограничена. Князь не мог нарушить сводов законов и обычаев, хранителями которых являлись волхвы. Они же были и чем-то вроде секретарей народных собраний. В конечном счете, власть князя везде натыкалась на волхвов.

Прежние князья смирялись с этим. Но Явлад с детства жадно прислушивался к байкам о самодержавных властителях Турана, Стигии и прочих держав Юга. Ему кружил голову призрак безграничной власти, при которой его слово было бы единственным законом для подданных. В тех байках цари и каганы представляли могучими волшебниками, и Явладу казалось – он уловил секрет самодержавия. Надо превзойти волхвов в тайном могуществе, и дело будет сделано.

Жадная тяга Явлада к южным землям и их таинственной магии сыграла немалую роль в возвышении при его дворе девушки по имени Малка. Стигийка или шемитка – "кто эту юнь разберет" – она была взята в плен кочевниками-зуагирами. Те продали ее туранскому торговцу рабами, а тот, помня об интересе князя к тайнам Юга, продал Малку ему, как "жрицу Сета".

Правду говорил купец или прихвастинал, расхваливая товар, но в магии она и впрямь оказалась не профанкой. Как и в другом, более плотском искусстве.

С тех пор дни стали для князя ночами, а ночи – днями. При свете жировых светильников в послеполуночные часы рабыня-южанка учила сына Светлана Храброго начертанию пантаклей, "щитов" и "ключей" и толковала ему магические свитки, начертанные кровью на человеческой коже, в тридорога купленные у иноземных торговцев. Днем же, в княжеских покоях, она отдавалась ему столь изощренным образом, что князь, до тех пор знавший лишь бесхитростные ласки северянок, был покорен ею, как безусый мальчишка.

– Наконец она сказала, что пришла-де пора попробовать мои знания в деле.- Желтоглазый князь горько усмехнулся сухими губами стигийца.- Она сказала, что мы попробуем начать с самого простого. Она сказала: "Начнем с перекачки тебе жизненных сил. Нужен кто-то, в ком их немного, чтоб не переборщить- это опасно. Нужен южанин – у них в крови предрасположенность к делам такого рода". Все звучало очень убедительно... Она предложила раба-стигийца – ею же недавно купленного на мое золото в рабьем ряду- тощего и старого, настоящего доходягу.

– Кто бы говорил...- Конан бросил взгляд на напарника поверх жернова.

– Дурень! – огрызнулся в первый раз перебитый гиперборей.- Сперва дослушай!

В подвале Калоги они начертили две пентаграммы, углами друг к другу, в центре каждой из них поставили по креслу. В кресла, лицом к лицу, сели князь и старый стигиец.

После этого Малка начала творить некий обряд, в тонкости которого Явлад не желал входить и, похоже, не хотел и вспоминать его...

– Когда я очнулся, я подумал, что сошел с ума. Прямо передо мной, в резном деревянном кресле, сидел я сам. Малка, только что стоявшая рядом со мной, стояла рядом с моим двойником, презрительно улыбаясь. А тот, другой я, поднял руки и стал осматривать их, как осматривают новую рубаху. Я посмотрел на свои руки -это были тощие, иссохшие ящерицы лапы стигийца. Вот эти лапы! – Явлад в гневе протянул Конану свои костлявые дланы.- Вот так я стал тем, что ты видишь!

Он замолк. Молчал и Конан. Ему приходилось сталкиваться и с колдовством, и с нечистью, но про что-то столь хитрое, что может менять местами человеческие сущности, он слышал впервые.

— Дальше рассказывать нечего,- мрачно сказал Явлад, сын Светлана.- Через несколько дней присвоивший себе имя и тело стигийский выродок подарил меня моему же лучшему буйтуру – Хориву, сыну Кветана. "Этот старик был неплохим шутом, но нынче совсем рехнулся – говорит, что он это я!" – сказал он Хориву. Когда меня привезли сюда, я не захотел делать рабью работу – я князь! – а остальные рабы смеялись надо мной. Я бросился на них, забыв, что у меня чужое тело... В своем прежнем я намазал бы их на стены, как коровье масло на хлеб. Впрочем, им тогда и в голову не пришло бы насмехаться надо мной.- Явлад попытался расправить утлые плечи.- А там... Вот я и попал сюда, к жернову.

— Теперь день за днем до меня доползают слухи, что оборотень с моим телом коверкает древние обычаи, почти перестал воздавать почести Великому Яру -Солнцу, нашему главному божеству, приносит в сердце нашей столицы, на жертвеннике Калоги, кровавые и даже человеческие жертвы! Он притупляет бдительность знати, устраивая для нее пышные пиры, на которых вместо сурьи – исконного питья борусов, рекой текут южные вина, отравляющие разум, разрушающие волю. А в тот день, когда сюда привезли тебя, я слышал – поразительно чуткие уши у этого тела! – как воины шептались, что в Калогу слетается чернорясое стигийское воронье. Он замышляет что-то, что-то ужасное! – голос Явлада опустился до шепота. Помолчав, он начал снова:

— Ты – настоящий воин, хоть и молод годами. И ты первый, кто выслушал меня до конца и поверил мне! Чужеземец, пойми – я должен искупить содеянное, пусть ценою своей жизни! Помоги мне бежать!

11. ПОБЕГ

Конан на несколько мгновений задумался. Ему не за что было любить гипербореев, но лично князь Явлад, как уже сказано, вызывал у него почти дружеские чувства как товарищ по несчастью. Кроме того, как опять-таки было уже сказано, он, истинный гибогрец, ценил родство выше личных чувств – вражды или дружбы. Видя, что людям его расы – что бы они ему ни сделали! – угрожают коварные колдуны с Юга, киммериец не колебался в выборе.

План побега был готов еще вчера. Пока стигиец-гиперборей работал языком, доводя до белого каления немедянина, глаза и, в основном, уши Конана сообщали своему хозяину, что и где расположено в этой колуне. Когда киммерийца привезли сюда, он уже успел немало заметить. Но, в любом случае, соучастник и проводник из здешних жителей просто не мог оказаться лишним.

Бежать решили той же ночью. Вечером они порвали цепи – изрядно проржавевшие, те только выглядели солидно и не выдержали тяжести жернова на одном конце и двух мужчин, полных жажды свободы и мести, на другом. После этого беглецы влезли на жернов и расшатали одну из плах в крыше землянки, одновременно бывшей полом крепостного забора.

Когда плаха со всеми предосторожностями была вынута, Конан вдруг вспомнил, что за ним здесь оставался маленький должок. Буркнув "подержи", он, придерживая рукой обрывок цепи на ошейнике, соскочил с жернова и выбрался во двор прежде, чем Явлад успел остановить его.

У разведенного во дворе костерка клевал носом тиун. Спать под крышей он почти не мог, его мучила какая-то хворь, вроде жабы и, как только погода позволяла, выбирался ночевать во двор.

Конан подкрался к нему сзади и саданул кулаком в бок. Даже того, кто всю жизнь избивает беззащитных, нельзя убивать во сне. Это – позор.

Тиун заморгал, просыпаясь, увидел Конана, но прежде, чем он сумел набрать в легкие воздуха для крика, тяжелая цепь захлестнула и сдавила его горло.

– Тварь,- тихо сказал Конан в выпученные стекленеющие глаза.- Ты не стоишь даже доброго удара клинка...

На Севере смерть удавленника была самой позорной, ибо душа приходилось покидать тело не через рот, а задним проходом.

Потом Конан осторожно опустил наземь безжизненное тело немедянина и,, выхватив из костра головню, стремительно и бесшумно пересек двор. Здесь он сунул головню под край соломенной кровли.

Вернувшись, он увидел своего несчастного напарника, стоявшего на жернове с огромной плахой на тощих сутулых плечах, как злая пародия на Атланта.

– Какого Смока?! – проскряжал он.- Где тебя носило?!

– Вернул долг и придержал погоню,-лаконично объяснил киммериец, снимая с него плаху и устанавливая ее на жернове.

Через отверстие в крыше они выбрались на крепостную стену, откуда, цепляясь за жухлые куртины травы на склоне вала, сползли в ров.

– Эй! – Над частоколом ограды закачался наконечник копья. Конан и Явлад нырнули. Внезапно Конан ощутил, что ему в зубы что-то суют. Это оказалась тростинка, через

которую можно было дышать, оставаясь под водой.

Со стены полетел факел и, зашипев, погас в воде рва. Стражник, ничего так и не разглядев, продолжил свой обход.

Беглецы осторожно выбрались из воды и стрелой понеслись к темнеющему невдалеке лесу.

На пятый день побега они поняли, что их догоняют. Издалека уже второй день, все приближаясь, доносились отзвуки охотничьих рогов и собачьего лая.

Никакие попытки сбить погоню со следа не удавались. Все эти старые, как мир, уловки насчет переплывания рек и прогулок вброд по ручьям не дали никаких плодов – звуки погони неумолимо близились.

– Наши псы... с волчьей кровью... их со следу не сбить,- задыхаясь, проговорил Явлад с гордостью, для которой, на взгляд Конана, не было никаких оснований.

Прошло еще полчаса бега по лесу. Они не оглядывались по сторонам, только слышали рядом напряженное дыхание другого и шум, с которым тот раздвигал кусты, нырял под ветви, перепрыгивал через коряги.

Сзади неотступно надвигались лай и звуки рогов.

12.АРКОНА

Конан и Явлад выбрались на поляну. За небольшой ложбиной вновь начинался лес – но какой лес! На тот лес, сквозь который только что прорвался Конан, он походил так же, как тот, первый, на горные лески Киммерии. Стволы толще башен Калоги ловили разлапистой кроной облака, кора смахивала на застывшую вулканическую лаву. Деревья-чудовища, чей век исчислялся, похоже, не тысячами, а десятками тысяч лет, все, как одно, были дубами.

При виде их Конан невольно попятился.

– Слава Яру! – радостно выдохнул Явлад.- Мы спасены! – и, ухватив за руку ошеломленного Конана, уже начинавшего разделять отношение Ральфа к лесам Гипербореи, устремился вперед.

Когда они преодолевали выступавший из земли корень, сильно смахивавший на небольшой крепостной вал. Явлад разъяснил Конану:

– Это священнейшая из священных рощ Боруси, Аркона. Сюда запрещается входить с оружием, и всякий гонимый неприкосновенен на ее священной земле.

– А коли за дело? – спросил Конан, спрыгивая с гребня корня в море папортников.

– А коли за дело, с такими Аркона сама разберется, так, что жаба по ним не кумкнет,- бодро ответил Явлад.

Конан поперхнулся, почесал в затылке. Но сзади надвигались совсем уже близкие звуки погони, а впереди уже исчезал в зеленой тьме, раздвигая листву исполинских орляков, Явлад. Конан устремился за ним, но через несколько шагов уткнулся носом в его голый затылок.

– Ну, надо же! – пробормотал Явлад.- Это надо же, как нам везет...

Конан посмотрел вперед поверх его бритой макушки и окаменел. Между деревьями стоял небольшой бревенчатый домик под покатой крышей, поросшей травой, с черепом быка на коньке. Между бревнами неопрятно торчали клочья мха. Но самое главное – домик этот стоял на двух здоровенных, когтистых птичьих лапах.

– Дом волхва,- довольно голосом заметил стигиец-гиперборей.- Даже если они сунутся в Аркону, к нему они близко не подойдут.

– Значит, нам – туда.- Хмуро сказал Конан и ринулся к домику. Ему было неловко за свое изумление.

Ни дверей, ни окон у домика не было, а был только лаз под крышей, к которому вели зарубки на бревнах. Но едва Конан подбежал к дому, тот, тяжело переваливаясь на птичьих лапах, развернулся к нему глухой задней стеной. Конан выругался и бросился в обход, но дом был проворней. Он лишь невозмутимо и мерно скрипел, поворачиваясь на месте и подставляя Конану тыл, куда бы тот ни бросался. Наконец киммериец нырнул под домик, и в тот же миг вылетел вон от мощного пинка огромной лапы. Пролетев шагов пять, он рухнул в мох и папоротники у ног помирающего со смеху Явлада.

В лучах изумрудного света, лившихся сверху на дом, видно было, как оседает облако золотистой пыли вокруг птиценой избы.

– Год не смеялся... - проговорил Явлад, утирая похожей на лапу ястреба рукой веселые слезы.

Конан легко поверил в это заявление лже-стигийца, но смолчал, занятый отряхиванием мгновенно облепивших его мокрое тело опавших листьев.

Тем временем отсмеявшийся князь шагнул вперед, простер свою тощую длань к

бревенчатому домику и звучно изрек:

— Избушка, избушка, нам в тебя лезти, хлеб-соль ести, встань по-старому, как мать поставила, к лесу задом, к нам передом.

Дом со скрипом переступил на своих лапах и развернулся к ним лазом. Широкими шагами Явлад подошел к нему и взлетел по бревнам с ловкостью куницы. За ним, не без опаски, последовал Конан. Однако дом вел себя мирно — очевидно, заклинание было могущественным, и Конан несколько раз повторил его про себя на случай будущих встреч с птиценогими хижинами.

Через мгновение они поняли, что спрятались донельзя вовремя. У опушки Арконы уже вертелись огромные мохнатые серебристые псы, взвизгивая и подывая, а вскоре за ними показались силуэты всадников.

Внезапно раздалась яростная брань и щелканье кнута — конь переднего всадника поднялся на дыбы и заржал, но в лес не шел. Остальные кони хрюкали и пятились, невзирая на энергичные попытки всадников заставить их идти вперед. Псы тоже утратили всю прыть и, прижав уши и поскучливая, скромно убрались за спину хозяев. Продолжая браниться, передний всадник — по голосу Конан узнал в нем бывшего хозяина — спрыгнул с коня, и беглецы услышали зловещее шипение выходящего из ножен меча.

Конан не успел заметить, откуда на гребне одного из гигантских корней появился человек в долгополом белом одеянии, перехваченном широким кожаным поясом, к которому были прикреплены медные бубенцы, в косматой безрукавке. Необычные для гиперборея длинные волосы снежными прядями спускались на спину, а окладистая борода закрывала половину груди. Ноги его были босыми, а в руках он держал высокую увесистую клюку.

Таинственный человек, словно сгустившийся из зеленого полумрака Арконы, показался Конану до чрезвычайности похожим на друидов его родной Киммерии — только те обычно носили еще и капюшон — и дроттаров Нордхейма. Поэтому сдавленный шепот Явлада: "Свентовит, старейший волхв Арконы!" — отнюдь не потряс киммерийца.

— Что вам тут надо? — грозно вопросил босой старец.

В ответ прозвучал голос Якуна:

— Пропусти нас, отче! Двою беглых рабов-инородцев оскверняют Аркону!

— Пока я вижу, как ее оскверняют борусы! — грянул гневный голос Свентовита. — Оскверняют бранью и лязгом холодного железа! Вон отсюда, или гнев Арконы падет на вас!

С глухим шорохом из далекой кроны гигантского дуба спланировал огромный филин и, хлопая крыльями, сел на плечо волхву.

— Отче, один из них убийца и поджигатель, другой — стигиец (Явлад злобно зашипел) и наверняка колдун, к тому же он оскорблял князя!

— Я сказал — вон, Якун, сын Хорива! Вон, во имя Яра и Арконы! — гремящий голос волхва потонул в разгневанном гуле зеленых туч в поднебесье. Стволы-башни гудели и покачивались, и у Конана зашевелились волосы на голове — ведь снаружи не было ни ветерка, не то что урагана, способного покачнуть эти чудовища.

Конан вполне понимал псов, с визгом и поскучливанием опрометью кинувшихся прочь.

А когда у копыт передних коней рухнул высохший сук, сошедший бы в Киммерии за среднее дерево, за псами устремились и их хозяева.

Лишь Якун задержался, чтобы свирепо кинуть через плечо:

— Владыка Явлад узнает об этом!

Лже-стигиец фыркнул:

– Он и так об этом знает, болван!
Свентовит же лишь гордо поднял бороду:
– Волхвы не боятся могучих владык.

Он еще постоял так – филин на его плече крутил головой – потом повернулся, легко спрыгнул с корня и, подойдя к дому, произнес:

– Приветствую тебя, Явлад, сын Светлана, великий князь борусов, и тебя, Конан, сын кузнеца Ниала, воин Киммерии!

13. ВОЛХВ

Они угощались из больших глиняных мисок снедью Арконы – супом из молодых хвоцей, кашей из желудей и заедали тягучим, солнечно-желтым лесным медом из сот. Хозяин только потягивал пряно и необычно пахнущий отвар – какое-нибудь ведовское зелье, подозревал Конан – из бычьего серого рога и поглядывал на них из-под косматых бровей глазами, зелеными, как лесной мрак.

Наконец, он отложил рог в сторону и покачал седой головой:

– Эх, Явлад, Явлад... Заварил же ты кашу, сыне, сам не ведаешь, какую крутую. А расхлебывать ее, может статься, придется всей Боруси.

– Я заварил, я и расхлебаю,- мрачно ответил Явлад. Он почти не ел, чего нельзя было сказать о Конане.

Свентовит только покачал головой из стороны в сторону:

– Твои слова б, да Яру в уши... Эх, молодо-зелено. Еще твое счастье, что встретил вон его.- Волхв повел глазами в сторону Конана.

Тот поперхнулся вареными желудями от неожиданности и навострил уши. Причем тут он?

Но старейший волхв Арконы не обратил на него внимания:

– Ты, Явлад, сам не ведаешь, какого зверя из клети выпустил. Так вот, твой дружок – стигиец, что стащил у тебя не только престол, но и то, чем на нем сидят, не кто иной, как Тот-Амон, великий жрец Черного Змея Сета, по нашему – Смока, Вселенского Зла!

Он поднял вверх сухой старческий палец. Явлад в оторопении уставился на него.

– Но как... раб... купили на торгу...

– Если б дети Змея не ссорились – давно б весь белый свет заглотили! Молодой Тутотмес, честолюбивый маг, собрал таких же и, похитив у Тот-Амона великий амулет – Кольцо Сета, сверг его. Тутотмес хочет лишь власти для себя, такие всегда побеждают одержимых бессребреников – а Тот-Амон такой и есть, хоть и во Зле – но до времени... Рано или поздно Тот-Амон вернется и уничтожит Тутотмеса и его шайку, но он – я уже сказал – одержимый, он – верный раб Сета. И ради возможности растоптать землю, где Борей, сын Солнца-Яра, впервые узрел свет лика Отца своего, готов на время забыть и про месть, и про утраченное могущество. Ты помнишь, что высечено на стене гридни в Калоге?

– Праотец – Борей, поражающий Смока,- отозвался Явлад.

– Древняя вражда, древняя, как сам людской род,-пробормотал Свентовит.- Когда Яр родил людей, Смок тоже создал человековидных тварей, но с душой – по образу и подобию своему. Зрящие духом вмиг отличат их, увидев сквозь людские черты морду гада ползучего. Окаянный род вползает повсюду, лишь мы, гиборийцы, в силах противостоять ему. Немало древних держав он изъел изнутри, тайно – любы им тайны и мрак. В древние годы, Конан, твой пращур, король Кулл, сокрушил их власть в Валузии. Ты, Конан, его новое рождение. Грозой станешь ты исчадьям Смока и Его главному слуге – Тот-Амону, грозой и проклятьем. Везде ты будешь становиться на троне Его и разрушишь замыслы Его и козни Его! – зеленые глаза Свентовита пылали, он не видел ни избы, ни притихших беглых рабов, одному из которых, тощему грязному мальчишке с обрывком цепи на шее, он возвещал сейчас будущее величие.- Ты станешь великим владыкой и величайшим героем, и барды будут воспевать тебя – так же, как твоего предка, и порукой тому – Колояр, знак вечного Возвращения.

Волхв коснулся знака, нанесенного на медном зеркале, висевшем у него на груди. Знак этот на юге звался Крестом Митры, на севере – Молотом Тора, на западе- Оком Крома и представлял из себя прямой равносторонний крест с заломленными под прямым углом посолонь лучами.

– Однако,- ужетише сказал Свентовит,- это все- наследство твоё. Удержишь ли – решать тебе. Но виден промысел Богов, приведших тебя сюда и сведших этим вот... олухом Яра небесного.

Конан недоверчиво фыркнул – ничего себе промысел, воплощающийся в ударе дубинкой по башке да мимолетной придури молодого жупана.

– Ты заблуждался, Явлад,- повернувшись к помрачневшему князю, продолжал волхв,- думая, что владыки Юга – вольные самодержцы. Все они – рабы, игрушки в лапах слуг и детей Сета-Смока, и видят Боги, мы, волхвы и друиды Севера, балуем вас,ластителей – по сравнению с теми ежовыми рукавицами, которых они держат этих самодовольных петухов - королей, каганов, царей. Все, кто воображает, что, избавившись от обычаем, законов, рода, Богов, обретут свободу, превращаются в жалких рабов Смока и его тварей.

Конан резко поднялся.

– Это все замечательно, но нам надо добраться до Калоги и разобраться с этим... Тошмоном, пока наш бывший хозяин не предупредил его.

– Не торопись,- усмехнулся Свентовит.- Конных пешком все едино не обгонишь, тем паче, что тебе придется идти по лесу, а им – по дороге.

– Что же делать? – озадаченно спросил Конан.

– Сидеть и слушать меня! – отрезал волхв. Он подвинул к себе чашу с водой, снял с себя через голову шнур с зеркалом и опустил в чашу.

14. КОЛОГА ВО ВЛАСТИ ЗЛА

Поверхность воды покрылась рябью, а когда она успокоилась – вместо внутренности чаши глазам беглых рабов предстала внутренность какого-то бревенчатого здания, чрезвычайно просторного. У одной из стен на земляном возвышении стоял резной деревянный трон. В нем восседал человек с сильными длинными ногами и такими же длинными руками. Торс казался воткнутым в кольцо пояса треугольником, сквозь белую рубашку выступала дубовым щитом грудь. Меж саженого размаха плеч на бычьей шее сидела крупная, по-волчьи лобастая голова, с длинными гиперборейскими усами на круглосулюм загорелом лице, зелеными глазами и золотистым, свисающим к левому, украшенному сергой уху, хохлом. Глаза смотрели из-под густых бровей, от переносицы спускался к жестко сомкнутому рту сломанный нос, подпирала все мощная каменная челюсть, которой сильно не хватало кабаньих клыков. На плечи богатыря был накинут алый плащ из туранской парчи, подбитый белым песцом.

Все портило выражение глаз – по-змеиному стылое, пустое.

Ошуе богатыря стояла почти нагая смуглая женщина, с черными волосами, уложенными в сотни локонов, вся в золоте и драгоценностях. Миндалевидные черные глаза с синеватыми белками были глазами вечно голодной хищницы.

А внизу, перед троном, стояли фигуры в черных балахонах и остроконечных капюшонах. На груди одного из них красовалась золотая пятиконечная звезда углом вниз. Лиц было не разглядеть, виднелись лишь концы горбатых, ястребиных носов да горели холодным трупным светом немигающие выпуклые глаза.

Тут Конан заметил в руках богатыря на троне посох. Его навершие было сделано в виде головы разъяренной кобры с раскрытым капюшоном, а на капюшоне красовалась золотая насечка в виде гексаграммы.

Владелец посоха раздвинул губы и зазвучала жуткая, нечеловеческая речь. Словно клекочущее, гортанное, картавое шипение исполинской змеи.

– Моя гридня! – зашипел не хуже богатыря на троне Явлад.- Стигийское воронье в моей гридне!

– Они готовятся вызвать Сета,- мрачно сказал Свентовит.- После этого введут его почитание по всей Боруси, вырубят святые рощи, завалят целебные источники, а святыни запоганят кровавыми жертвами!

– Приказывай, отче! – повернулся к нему Явлад, его желтые глаза полыхали грозным огнем.

– Приказывают воеводы, я могу дать совет: чтобы победить, вам надо скинуть вон то полотнище со знаком Смока и обнажить образ Борея. Тогда Боги помогут вам. А теперь идите за мной.

Они вышли наружу. Последним спрыгнул волхв, на сей раз оставивший клюку дома. Конан подумал, что такому резвому старцу клюка служила скорее ведовским орудием, чем подпоркой. Под мышкой Свентовита был ковер. Старый волхв рывком развернул его – тот так и остался висеть в воздухе.

– На нем вы доберетесь до Калоги быстрее ветра. Садитесь!

Явлад взметнул на ковер свои молоты, за ним осторожно, недоверчиво влез Конан. И в тот же миг все вокруг провалилось куда-то в бездну.

Ветер донес крик Свентовита:

– Да будут с вами Яр и Борей! На вас судьба мира!

Конан криво усмехнулся. Волхвы, дротты, друиды – все одинаковы. Им никак не понять, что человеку всегда свое дороже судеб всех миров.

Внизу в закатном свете летел, взмахивая кронами, как крыльями, бесконечный Гиперборейский Лес, коему не было края. Его рощи, дубравы, боры волнами сменяли друг друга, катясь от горизонта к горизонту. Впереди и слева медленно клонился к земле лик гиборийского Бога. Холодный ветер рвал легкие, но киммериец еще не такие сквозняки видывал на заснеженных безлесных равнинах Нордхейма, а Явлад, обхватив согнутые ноги руками и спрятав ястребиный нос меж острых колен, ушел в себя и ничего не видел, не слышал, не чувствовал.

Наконец внизу показались стены и башни Калоги. Конан забеспокоился – ковер и не думал сбрасывать скорость.

– Эй! – пихнул он локтем острые ребра Явлада.- Останови этот летающий половик!

Над коленями вспыхнули желтые глаза:

– Я не умею.

– Что-о? Ты же вроде бы магии учился.

– Южной.

Конан зарычал.

– Ну, хоть где твой дворец, знаешь?

Явлад, наконец, зашевелился, подполз к краю ковра.

– Вот он. Подлетаем.

– Останови эту тряпку, во имя Крома!

– Не могу!

Поминая всех предков ковра – ежели они у него были – Конан схватил Явлада за руку, подтащил к вышитому рунами краю ковра и сиганул вниз, на пологий склон, крытый тесом.

Цепляясь за гонтины, киммериец и князь доползли до дымоходного отверстия в крыше.

Через него они проникли в пустую комнату, чьи стены и пол были покрыты звериными шкурами.

15. В КНЯЖЬЕМ ТЕРЕМЕ

– Ну, теперь мы доберемся до этого колдуна! – решительно заявил киммериец. Явлад лишь скептически хмыкнул.

– Как ты думаешь это сделать? Позволь напомнить – тебе придется схватиться с... он поперхнулся,- с моими лучшими буйтурами. Потом – со стигийскими колдунами. И, наконец, одолеть самого Тот-Амона. И одолеть, не искалечив, потому что у него мое тело!

Конан помрачнел. Он был готов схватиться с любым количеством противников – но это должны быть нормальные воины с нормальными мечами. Сражаться с колдунами... От одной этой мысли черные волосы на его загривке поднялись и зашевелились.

– А теперь,- заявил лже-стигиец,- ты будешь слушать меня...

Княжеские дружинники резались в кости на земляном полу перехода, когда рядом возник неслышно, словно тень, стигиец. Надменно глядя желтыми глазами, он упер кривой перст в одного из них.

– Именем князя Явлада! Ты, Круч, пойдешь со мной... И сними шлем перед жрецом Сета.

Буйтури взирали на чужеземца без особой любви, а окликнутый им и вовсе сплюнул трижды через плечо и за спиной сложил пальцы кукишем от сглаза. Ему не понравилось, что ведьмак-стигиец знает его имя. Но идти пришлось.

За поворотом они угодили в темноту. Круч мысленно изумился – кто загасил факелы? Не иначе, как поганая юнь – свет им, сволоте, не по нраву!

Шевеление в темноте заставило его схватиться за меч... Слишком поздно – острое колено ударило в солнечное сплетение, а не менее острый локоть рухнул на основание черепа.

Киммериец поспешил облачиться в одежду гиперборея, а когда закончил, выжидающе посмотрел на лже-стигийца.

– За мной! – лаконично произнес Явлад и устремился назад, к страже.

– Щерб, Кий, он вас сменит. Отправляйтесь к главному входу!

Буйтури, бурча в усы ругательства, удалились. Подчиняться чужаку было неприятно, но перспектива спора со знающим их имена колдуном гипербореев не радовала.

– Позор на мою голову! – проговорил Явлад.- В княжеском тереме стигиец указывает борусам! – Он в негодовании сплюнул.

– Ты же говорил, что ты – не стигиец? – уточнил Конан. К счастью, разозленные борусы не приглядывались к нему, иначе они бы непременно сочли странным ошейник с закинутой на плечо цепью на стражнике княжеского двора.

– Они-то этого не знают! Ладно, у нас нет времени! Быстро поднимись вот по этой лестнице. Когда я махну рукой вот так – делай, как уговаривались...

Дверь гридни распахнулась. Ястребиные носы из-под черных капюшонов повернулись к ней.

В дверях стоял их соплеменник. Более того, каждый в этом зале знал его имя.

– Тот-Амон?!

16. БИТВА

— Да, глупцы, я Тот-Амон! — яростно возвестила тощая фигура, протягивая к трону коршунью лапу.- А это — обманувший вас варвар, вместе со шлюхой-полукровкой заманивший вас в ловушку!

Богатырь на троне метнул яростный взгляд по сторонам, женщина рядом с ним вскрикнула испуганно и растерянно. Фигуры в черном восприняли это как доказательство правоты нового претендента на посох верховного жреца Сета. В коварство и заговор стигийцы верили очень легко — и особенно стигийские маги, так как сами были весьма коварны, а заговоры были их любимым видом спорта. Например, в данный момент они плели заговор против Тутотмеса.

— Что ты на это скажешь, Тот-Амон... или, может быть, князь Явлад? — сардонически прошипел чародей с золотой звездой на груди.

Прежде, чем сидевший на престоле заговорил, стоявший в дверях вновь подал голос.

— Нет времени слушать варвара! — выкрикнул он.- Его дружины готовятся перебить нас всех!

За дверью раздался глухой нарастающий топот.

— Кто из вас способен обменять нас с варваром телами? Быстро, только быстро, во имя Сета! — воскликнул стигиец, направляясь к престолу.

Черные балахоны расступались перед ним и смыкались за его спиной.

Дверь распахнулась, и в зал ввалились разъяренные буйтури во главе с Щербом иkiem.

— Бей юдь поганую! — выкрикивали они.- Круча порешили! Князь, они на нас руку подняли!

Сидевший на троне повернулся в их сторону. Это мгновение оказалось для него роковым — стигиец с золотой пентаграммой на груди схватил его за руку и произнес заклинание. Богатырь замер, как истукан.

События были стремительны, как камнепад. У дверей закипела схватка. Мелькали посохи жрецов Сета и пудовые кулаки рассвирепевших гипербореев. Несколько фигур в черном уже неподвижно лежали на полу.

— Скорее сюда, во имя Сета! — Стигиец с золотой пентаграммой протянул руку тощему претенденту на имя Тот-Амона. Положив его руку поверх неподвижной длани восседавшего на троне гиганта, звездоносец забормотал заклинания.

— Глядите! Князя завораживают! — заорал от дверей дружины и его соратники навалились на стигийцев с удвоенной яростью. Те, впрочем, не уступали нападающим. Из-под сутан были извлечены и пущены в ход ножи. С вершин посохов с треском слетали язычки разрядов. Несколько чародеев у возвышения, на котором стоял трон, бормотали, плетя заклинание. А над кожаными шлемами гипербореев уже вздымались не кулаки, а серые полосы мечей.

Наконец, гигант на троне ожил и зашевелился. Тощий стигиец в набедренной повязке, наоборот, мешком повалился на земляной пол. Сидевший на троне вдруг схватил себя за нос.

В полутора метрах гульбища дважды сверкнул клинок — и полотнище с символом Сета с шорохом рухнуло наземь, обнажив резной барельеф.

У дружины вырвался непроизвольный вскрик. Осененный Колояром всадник-Борей не попирал поверженного Смока. Чудовищный змей поднялся на хвосте, грозя опрокинуть

вздыбленного скакуна и его седока – копьеносца.

В следующий миг от Колояра вдруг хлынул ослепительный белый свет и залил гридню. Стигийские маги заметались с паническими воплями, как стая испуганных летучих мышей, сталкиваясь друг с другом и сшибая наземь бронзовые семисвечья.

Богатырь на троне вдруг захотел, схватил оцепеневшего мага со звездой на груди и с яростью хрюнул головой об пол. Череп под капюшоном лопнул с глухим треском. В следующий миг богатырь сломал об колено увенчанный головой кобры посох.

– Яр! – прорычал богатырь.- Слава Яру! Смерть выродкам Смока!

– Яр! Яр! – загремели счастливые дружинники.

– Кром! – донеслось с верхнего гульбища, и в толпу мечущихся магов кинулась оттуда фигура в гиперборейских доспехах и с черными волосами киммерийца.

17. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОЛГОВ

Вскоре все было кончено. Явлад, сын Светлана, вновь обретя свое тело и свой трон, сидел на нем в окружении друдинников. Усталых, забрызганных кровью, но довольных.

Среди них стоял и юный киммериец. В пылу битвы он содрал с себя неудобный чужой доспех и остался в одном кильте, до того грязном и заношенном, что клановый узор на нем был не различим.

Радость победителей – по крайней мере, двоих из них – омрачалась отсутствием среди щедро усеявших пол гридни трупов стигийских магов одного – в набедренной повязке, с обрывком цепи на шее. Тот-Амону удалось каким-то образом ускользнуть от справедливого возмездия. Чутье варвара подсказывало киммерийцу, что ему предстоит еще не одна встреча с верховным жрецом Сета.

Явлад же полностью забыл о стигийском маге, когда грубые руки одного из друдинников толкнули к его ногам смуглую женщину, чьи черные локоны сейчас уже не были уложены так ровно и красиво.

Во время схватки Малка попыталась ударить князя в спину ножом, но тот без труда вырвал нож и отшвырнул ее в сторону. Однако уйти ей не дали.

Конан разглядывал почти нагую южанку с жадным любопытством подростка. Она так дрожала, что многочисленные золотые безделушки, заменявшие ей одежду, позывали друг о друга.

– Что ж, Малка,- с мрачноватым весельем сказал князь.- Время возвращать долги. Я должен тебе кой-какую науку – и немалую. Ты должна мне тот год, что я провел в рабском ошейнике. Я думаю, один долг уравновешивает другой. Ты можешь уйти отсюда.

Черные глаза с голубоватыми белками распахнулись шире прежнего. Недоверчиво оглядываясь, рабыня-жрица поднялась на ноги.

– Подожди,- мягко сказал князь.- Я кое-что упустил из счета. А именно – этот отправленный кинжал. Он твой.

Его правая рука стремительно шевельнулась – и Малка с ужасом уставилась на рукоять ножа, торчащую из ее плоского живота. Ее стройные длинные ноги подломились, она рухнула навзничь, выгнувшись дугой. Ноги дернулись, пышная грудь колыхнулась в последний раз. Полные алые губы шевельнулись и замерли. Малка была мертва.

– Теперь ты, Конан ап Ниал. Ты спас мою жизнь, вернул мне мое имя и трон моих предков. Я не забуду этого. Завтра, на глазах жителей всей Калоги я провозглашу тебя свободным человеком. Ночь ты проведешь в одной из клетей моего терема. Круч! Проводи его.

– Князь! – окликнул Явлада сдавленным голосом один из воинов. Князь обернулся... и встал с трона.

Все взгляды в гридне были прикованы к барельефу на деревянной стене. Как и когда – никто не заметил, но он стал прежним. Могучий всадник торжествующе разил копьем голову извивающегося Смока, и его конь попирал копытами чешуйчатые кольца.

В полном молчании Явлад вскинул руку в гиборийском воинском салюте. Все – и Конан в том числе – последовали его примеру...

В коридоре Круч обратился к Конану:

– А лихо ты меня тогда! Как это ты сделал?

— Вот так,- ответил Конан, и свет факелов погас в глазах ничего не успевшего ни понять, ни увидеть гиперборея. Конан подхватил обмякшее тело и осторожно уложил оглушенного усача наземь.

Несколько минут ему потребовалось, чтобы покинуть дворец, рассвет застал его уже за стенами Калоги.

Дул северный ветер, пасмурное небо сыпало дождь вперемешь с мокрым снегом. Начиналась скоротечная гипербoreйская осень, вслед за которой придет зима, быстрая и жестокая, как конная орда гиркан.

Конан был спокоен. Южные колдуны побеждены, и значит, его вражда с гипербoreями снова вступает в свои права. А разве с врагами можно делить кров или пищу?

И уж вовсе недостойно мужчины-гиборийца принимать из чужих рук, рук врага, свободу. Свободу он берет сам или гибнет, если Боги дали ему мало силы или мало воли.

Через месяц он вышел к границе Гипербoreи. Падал снег. Ошейник морозил горло. Издалека доносились голоса волчьей стаи, вставшей на его след.

1995 г.